

О РИТОРИКЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУКИ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Л.В. Мельникова

Работа поддержана грантом Государственного клуба «Новая роль пространства и климата: из региональной науки в региональную политику» и выполнена в рамках проекта «Новая региональная стратегия России: сибирская проекция» (Программа Отделения общественных наук РАН «Россия в глобализирующемся мире», раздел IV «Экономическое, социальное и политическое пространство России в глобализирующемся мире»)

Удивительный феномен массового сознания представляют высказывания, о которых большинство читателей «что-то слышали или читали, но не могут вспомнить, где». Сведения такого рода во множестве обращаются в прессе и глобальной сети в форме авторских либо анонимных цитат. К числу наиболее частотных цитат из области пространственной экономики относятся такие, как «с экономической точки зрения в России оправданно проживание только 15 миллионов человек» (Маргарет Тэтчер) и «Сибирь – слишком большая территория, чтобы принадлежать одному государству» (Мадлен Олбрайт).

Эти фразы замечательны тем, что являются апокрифами. Поиск русскоязычных источников цитат обрывается либо на книгах А. Паршева, либерально относящегося к точности ссылок, либо на телепередачах А. Пушкова, тогда как англоязычный поиск в собраниях выступлений упомянутых государственных деятелей не дает результатов.

Другие цитаты, используемые для поддержания алармистских настроений в обществе, подтвердить легче. Никому не симпатичный

3. Бжезинский на самом деле изложил идею превращения Сибири в «общеевразийское достояние» в своей книге «Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство». Анекдотический факт предложения о «покупке Сибири американцами» действительно имел место. Идею политолога У.Р. Мида купить Сибирь, чтобы помочь правительству России в трудное время, в 1998 г. озвучил Дж. Эллис на страницах газеты «Бостон глоб» [1], вызвав тревожную сетевую дискуссию среди американских граждан, которые предостерегали свое правительство от опасной финансовой аферы.

Мифические и полумифические цитаты при регулярном повторении перестают быть достоянием только маргинальных группировок и начинают служить в качестве аргументов в публичных дебатах на политические и экономические темы, особенно в тех, что касаются региональной проблематики. В профессиональной дискуссии требуются более солидные аргументы, и к числу наиболее распространенных в последние годы относится тезис о том, что «неправильное пространственное размещение производства и населения, унаследованное российской экономикой как результат советской плановой системы, влечет за собой ежегодные потери в размере 1,5–3% ВВП». Популярны также и утверждения об «искусственности» городской системы расселения, которая также унаследована от социализма и исправить которую призвано «агломеративное строительство». Такие оценки требуют специального расследования, с тем чтобы путем идентификации текстовых ссылок последовательно сократить число задействованных экспертов, методик, оценок и рекомендаций в сфере региональной политики.

* * *

Возьмем самый заметный документ в области региональной политики последнего времени – Концепцию Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации, разработанную Министерством регионального развития РФ в 2005 г. [2] (далее – Концепция Минрегионразвития). В обязательной для таких документов вводной части, посвященной описанию проблем социально-экономи-

ческого развития регионов, говорится: «Регионы, создававшиеся и развивавшиеся в нерыночной логике, при помещении их в рыночную среду перестали соответствовать масштабу экономических и социальных процессов открытого рынка. Часть субъектов Российской Федерации и городов – административных центров явно оказались не в состоянии обеспечивать конкурентоспособность собственного хозяйства не только в глобальном, но даже и страновом масштабе. В первую очередь, не нашли себя в новой экономике те поселения, которые исторически возникли в связи с решением старых геополитических задач (центры военно-промышленного комплекса, военные городки, закрытые административно-территориальные образования, монопрофильные поселения, полностью зависящие от технологии градообразующих предприятий и пр.). По экспертным оценкам, ежегодные потери Российской Федерации от неэффективной пространственной организации оцениваются в **2,25–3,0% ВВП в год** (выделено нами. – Л.М.)» [2, с. 4]. Таким образом, потери ВВП относятся на счет сложившегося в советское время территориального распределения конкретных отраслей производства, обусловившего развитие соответствующих городских поселений.

В ведомственных документах такого уровня обычно нет ссылок на литературу и авторский коллектив. Все же судя по частоте возникновения некоторых терминов и образов (словосочетание «опорные регионы» встречается в тексте 24 раза, «кластеры» – 41, «локомотивы роста» – 11, «полюса роста» – 7, разного рода «каркасы» – 6, «поляризованное развитие» – 6 раз), этот документ мог произойти из Центра стратегических разработок «Северо-Запад». Действительно, в журнале «Российское экспертное обозрение», издаваемом названным центром, в схожих терминах обсуждается пространственное развитие страны в долгосрочной перспективе. В. Княгинин и Ю. Перельгин утверждают, в частности, что «расчеты Всемирного банка показывают, что только из-за неэффективной пространственной организации Россия теряет **2–3% ВВП ежегодно** (выделено нами. – Л.М.)» [3, с. 6]. Проблему авторы видят в неэффективном перераспределении ресурсов от регионов-доноров в пользу дотационных регионов и в дефицитности самих ресурсов, а метод решения проблемы – в будущей схеме

пространственного развития страны, разработанной исходя из предлагаемой ими концепции «сборки» территорий. Из текста следует, что Всемирный банк проводил расчеты по оценке эффективности территориальной структуры российской экономики, хотя ссылки на опубликованные расчеты отсутствуют.

Ранее на страницах журнала «Эксперт» идеологи концепции «сборки» В. Княгинин и П. Щедровицкий указывали, в каких именно районах производство размещено особенно неэффективно, усиливая драматизм искусственности экономического пространства, но не уточняя происхождения экспертных оценок: «У нас сохраняется предельно устаревшая система расселения и размещения производительных сил. Значительная часть ее была создана искусственно под проект советской индустриализации и до сих пор обслуживает страну, которой уже нет. Особенно ярко это проявляется на северных и восточных рубежах России. Ежегодные потери РФ от неэффективной ныне пространственной организации экспертно оцениваются в 2,5–3,0% ВВП в год» [4, с. 48]. Отсюда следует, что размер потерь ВВП оценивался экспертно и связан большей частью с функционированием экономик Сибири и Дальнего Востока. В этой же публикации современная государственная промышленная политика определяется как «политика по собиранию ресурсов для современной экономики на территории страны». На риторический вопрос: «Из чего собирать страну?» – следует ответ: «Не столько из отраслей, технологий и компаний, сколько из специальным образом организованных регионов-территорий».

Судя по тому, что в другой статье П. Щедровицкого [5] термин «опорный регион» употребляется 16 раз, «каркас» – 4, «полюса роста» – 5, «поляризованное развитие» – 4 раза, автор действительно имеет прямое отношение к цитированной ранее Концепции Минрегионразвития. Здесь же читатель может установить, что термин «сборка» происходит от «собираания земель заново» силами региональных девелоперов (?) ввиду нарастающей угрозы потери государственного контроля над пространственным развитием страны (видимо, метафора восходит к истории Ивана Калиты). Далее содержание угрозы переформулируется в угрозу потери федеральной властью экономического контроля над наиболее удаленными от Москвы территориями. Но

в этом тексте фигурирует другой источник интересующей нас оценки потерь ВВП: «Неэффективная пространственная организация страны повлекла за собой рост расходов на поддержание инфраструктур, избыточных в теряющих население и производственные активы территориях и недостаточных в растущих регионах (ограниченность возможностей портового хозяйства, экспортных трубопроводов в нефтегазовом комплексе и пр.). Так, по оценке экспертов Института Брукинга, ежегодные потери РФ от неэффективной пространственной организации экспертно оцениваются в **2,25–3,0% ВВП в год** (выделено нами. – *Л.М.*)». Отсюда следует, что специалисты из Института Брукинга (Вашингтон) оценили недополучение потенциального ВВП в результате затрат, связанных с функционированием производственной (и, видимо, социальной) инфраструктуры в разных регионах России.

Популяризируя эти идеи в самом народном издании «Аргументы и факты», тот же автор выбирает верхнюю границу интервальной оценки без указания ее происхождения: «3% экономического роста в год мы теряем из-за неправильного размещения промышленного потенциала и населения. В одних городах не хватает рабочих рук, в других – их переизбыток, а работы нет» [6]. Автор призывает прежде всего «сбежать из мертвой зоны», для того чтобы достигнуть концентрации населения в нескольких сильных регионах, и формулирует вторую задачу «развития сильных», которые с течением времени начнут подтягивать слабых. Это идеи агломерации и поляризованного развития, изложенные предельно доступным языком. Из приведенной цитаты следует, что 3% потерь ВВП увязывается с проблемами структурной безработицы.

Другое аналитическое агентство – Центр стратегических исследований Приволжского федерального округа ссылается на собственные оценки потерь ВВП, уменьшить которые призвано пространственное развитие: «Аналитическая работа, осуществленная в масштабе ПФО и проверенная на отдельных территориях СЗФО и ЦФО нашими коллегами, приводит нас к убеждению, что неэффективная пространственная организация деятельности на территории страны обходится ей потерей, как минимум, **2–3% ВВП ежегодно** (выделено нами. – *Л.М.*)» [7]. Авторы процитированного утверждения В. Глазычев

и П. Щедровицкий уделяют большое внимание ликвидации путаницы в терминах, так что в итоге и сами определяют «развитие» как «подход к задачам управления развитием», включающий некую «переупаковку знания». Если «переупаковку знания» понимать как результат работы выездного семинара с участием экспертов Аналитического центра, то она действительно позволяет обнаружить, хотя бы и на уровне проектов, схемы более эффективного использования местных ресурсов: «В самом деле, серия проектных семинаров, проведенных в ряде районов ПФО в 2001–2003 гг., убедительно показала, что активная мобилизация интеллектуальных ресурсов местной администрации, локального бизнеса, локальных экспертов позволяет обнаружить и освоить в проектном режиме существенные ресурсы... Так, в Кувандыкском районе Оренбургской области частичное реструктурирование системы расселения, с концентрацией населения по северному берегу реки Урал, сокращение посевных площадей в пользу повышения агрокультуры в зонах наибольшей предпочтительности для земледелия, рационализация расхода воды и т.п. схемы могут увеличить локальный валовой продукт района не менее, чем на семь процентов. В Оренбургском (сельском) районе одна лишь проектная схема кооперации между бывшим военным городком (до полутора тысяч отставников, занятых случайными работами), недалеким поселком, испытывающим острый дефицит механизаторов, и агротехнической станцией с ее техникумом, при грамотной реализации способна увеличить локальный продукт на три процента...» [7]. Из этого следует, что каждое муниципальное образование сможет найти дополнительные ресурсы путем лучшего использования имеющихся. Судя по приведенным оценкам, эффекты варьируют от 3 до 20% локального продукта и в среднем должны обеспечить рост объема локального продукта минимум на 5%. Означает ли это, что потери ВВП от неправильного размещения производства сократятся не менее чем на 2%?

Понятие «локальный валовой продукт» сельского района или муниципального образования в статистике отсутствует. Если же допустить его существование, то сумма приростов данного показателя по всем районам России обеспечит прирост валового выпуска народного хозяйства, но никак не прирост ВВП, который при расчете производ-

ственным методом получается как сумма валовой добавленной стоимости всех отраслей. Объем ВВП российской экономики в основных ценах в 2004 г. был в 2 раза меньше, чем объем валового выпуска.

Позднее, в перечне действий по реализации Стратегии социально-экономического развития регионов РФ, мы обнаруживаем «разработку практических механизмов удвоения ВРП по отношению к различным типам регионов», а затем и «внедрение механизмов удвоения ВРП» [2, с. 63], что вызывает ассоциации с описанными выше методиками поиска скрытых резервов на местах. Судя по описанию методики, примененной специалистами Центра стратегических исследований Приволжского федерального округа для оценки потерь ВВП (экспертные оценки возможных локальных проектов в результате совместного обсуждения на выездных семинарах и распространение результатов оных на уровень всей страны), маловероятно, чтобы ее применяли во Всемирном банке или Институте Брукинса.

В апреле 2004 г. Всемирный банк выпустил развернутый меморандум об экономическом положении Российской Федерации «От экономики переходного периода к экономике развития» [8], во вводной части которого констатировал неэффективность распределения ресурсов в российской экономике. Эта неэффективность имеет и территориальный аспект, так что, по мнению экспертов из Всемирного банка, «исправляя наследие централизованного планирования», Россия должна сталкиваться с массовыми территориальными и демографическими изменениями: «Под контролем системы централизованного планирования России находились не только процессы индустриализации, но и, во многом, процесс урбанизации. В период после Второй мировой войны происходил стремительный рост “искусственных” городов, многие из которых создавались в “негостеприимных” районах на севере и востоке России» [8, с. 18]. Однако численные оценки потерь ВВП вследствие нерационального пространственного размещения производительных сил в период социалистического планирования в тексте Всемирного банка отсутствуют, а упоминая об экономических последствиях, авторы меморандума отсылают к книге Ф. Хилл и К. Гэдди «Сибирское проклятье: как коммунистические плановики забросили Россию в холод» [9], а в англоязычной версии

меморандума – еще и к работам К. Гэдди и Б. Икеса, известных своей концепцией «виртуальной экономики России», и к диссертации Т. Михайловой.

Второй из зарубежных источников, к которому отсылал П. Щедровицкий, – Институт Брукингса. Судя по тематике представленных на сайте данного института исследований, основные специалисты по России – политологи Ф. Хилл и К. Гэдди, а самое крупное исследование в области российской экономики – уже названная их книга [9], в которой авторы действительно рассматривают проблему количественного определения экономических издержек географического размещения производства и населения в России, но увязывают их с единственным фактором – фактором холода и с конкретными регионами России: «Одна из наиболее амбициозных задач, поставленных проектом “Цена холода”, заключалась в том, чтобы смоделировать распределение российского населения, каким оно было бы, если бы Россия в XX в. жила по принципам рыночной экономики. Это так называемое контрфактическое упражнение приводит к выводу, что сейчас Сибирь и Дальний Восток перенаселены на 16 млн чел. В терминах ТДН¹ это значит, что Россия к концу советского периода была на 1,5°C холоднее, чем “могла бы быть”. Поскольку такова цена холода, территориальная структура, оставшаяся России в наследство от коммунистических плановиков, представляется дополнительным налогом на сегодняшнюю экономику. Насколько велик этот налог? По осторожным оценкам, при понижении российской ТДН на 1°C валовой внутренний продукт сокращается на 1,5–2%. По этим расчетам, “налог на холод”, выплачиваемый Россией, приближается к **2,25–3% ВВП в год** (выделено нами. – Л.М.). Это огромный итог. Проиллюстрируем: российская экономика, которая при других условиях обеспечивала бы ежегодный 5%-й прирост в течение 15 лет, будет вынуждена пожертвовать половину или две трети потенциального роста из-за неудачного размещения экономики и населения на востоке» [10, с. 85].

¹ ТДН (TRC – temperature per capita) – показатель температуры на душу населения, получаемый в результате умножения среднеянварской температуры в городе на количество жителей города с последующим делением на численность населения страны.

Отсюда следуют рекомендации «связать» российскую экономику, которая «и физически растянута слишком широко, и развита ужасающе неправильно», в полном согласии с апокрифическими фразами уже упоминавшихся «железных леди». Эти советы находятся в одном русле с концепцией «сборки территории», разве что без смелых количественных нормативов плотности населения, которые можно найти в текстах наших «стратегических центров»: «В России, за вычетом практически не пригодных для жизни территорий, мы имеем плотность порядка 20 чел./кв.км, что обеспечивает стране т.н. продовольственную безопасность, однако, как показывает анализ по развитым странам, это решительно недостаточно для интенсификации и модернизации производства. При всех достижениях современных технологий такая модернизация нуждается в плотности населения хотя бы в 50 чел./кв. км. В ближайшие десять лет достичь подобной плотности можно только одним способом – осознанно пойти на депопуляцию периферийных районов в большинстве областей» [7].

Авторы «Сибирского проклятья» называют Сибирь бременем для России и утверждают, что в ее пользу перекачиваются крупные субсидии. В качестве примера успешного свободного рыночного развития приводится г. Москва. Рекомендации этих авторов сводятся в основном к созданию достаточной плотности населения для достижения эффекта агломерации в европейской части России. Выполнение данных рекомендаций потребует, однако, усиления государственного вмешательства, поскольку для того чтобы «двинуться в правильном направлении», из Сибири и Дальнего Востока – «мест, где с рыночной точки зрения не должно быть людей», «России потребуются активная государственная политика», нужен будет «интервенционистский подход, для того чтобы приблизиться к оптимуму» [9, р. 211]. Любопытно, что эта идея вновь не противоречит современной тенденции усиления госрегулирования и государственного участия в экономике, отраженной в Концепции Минрегионразвития [2, с. 63].

В самой книге авторы не раскрывают подробно механизм расчетов, позволивших обосновать такие выводы, ссылаясь на вышеупомянутый проект «Цена холода». Однако поиски ссылок по этому проекту привели, не считая ссылок на проект в многочисленных презентациях К. Гэд-

ди и Ф. Хилл, к единственной работе – кандидатской диссертации аспирантки Пенсильванского университета Т. Михайловой [11].

Методика диссертационных расчетов состоит в тестировании гипотезы о том, что в условиях свободного рынка территориальная структура производства и расселения в России развивалась бы по канадскому образцу, т.е. удельный вес южных регионов был бы выше. Поскольку этого не произошло, отклонение структуры расселения от канадской трактуется как перенаселение Севера, а отличия в размещении производства – как его нерыночные искажения. Степень искажения измеряется индексом ТДН. Разница в 1°C между фактическим и возможным значением индекса ТДН обходится в 1% ВВП вследствие избыточных энергозатрат плюс 1,3% вследствие потерь производительности труда в экономике [12]. И хотя полученный результат (1–2,3%) лежит в пределах статистической погрешности измерения ВВП, нет смысла подвергать сомнению добросовестность автора, ни в чем не нарушающего принятых стандартов эконометрического мейнстрима. Неподготовленного читателя может удивить только то, как из бескомпромиссно последовательного развития безупречных «микроэкономических оснований» (в лице независимых агентов, оптимизирующих свою полезность и стремящихся поэтому на юг) возгораются макроэкономические оценки. Полученные 1–2,3% накладываются на последние 30 лет советской эры (1970–2000 гг.), и получается, что ВВП мог бы быть выше на 35–97% ($1,01^{30}$ – $1,023^{30}$), если бы не «неправильное размещение производства».

Однако формулировать гипотезы корректно не менее важно, чем их проверять, особенно в экономической истории. Выдвижение гипотезы H_1 «экономическое пространство России искажено в результате сознательного вмешательства» подразумевает проверку гипотезы H_2 «региональные программы развития появляются в результате социалистических революций», что требует тестировать гипотезу H_3 «до социалистической революции не происходило освоения Сибири и Дальнего Востока» совместно с гипотезами H_4 «строительство Транссиба не определялось военно-стратегическими соображениями» и H_5 «урожайность в зерновом хозяйстве Европейской России

в 1910 г. была выше, чем на юге Западной Сибири» и т.д. Кроме того, любая из выдвигаемых гипотез H_n требует проверки гипотезы не- H_n .

Аналогично гипотеза о подобии «Россия – это Канада без революции» конкурирует с гипотезами «Россия – это Канада без Второй мировой войны», «Россия – это Канада без США на южной границе», «Россия без Японии на востоке (и войны с ней) – это Канада» и т.д.

Применение модели совершенной конкуренции в расчетах требует, чтобы была неверна гипотеза «Россия в 1910 г. – это страна государственного капитализма» и не отвергалась гипотеза «российский рынок в 1910 г. характеризовался совершенной конкуренцией», что ставит проблемы измерения размеров фирм и установления критериев подобия российской структуры рынка структурам рынков стран, которые выбраны в качестве образца рыночных, проблемы выбора метода учета особенностей отраслевой структуры, отделения от фактора наличия месторождений и определения критериев выбора стран-образцов и т.д.

Даже если не подвергать критике саму идею о рациональности поведения экономических агентов (чтобы не вдаваться в дебри ограниченной рациональности), использованная трактовка рациональности как миграции на юг представляет собой пример экономической риторики с применением аргумента «как будто»: а что бы я делал, будь у меня возможность перебраться в теплые края (как будто я знаю, что это снизит издержки проживания, и знаю, насколько, и как будто я знаю, что буду реже болеть и насколько реже, и т.д.)? Ответ на этот вопрос представляется тривиальным и не требующим обсуждения.

Если тестирование гипотезы, основанной на нереальных допущениях, дает правдоподобный (в смысле ожиданий) результат, то возникает недоверие и к самой реальности. Не случайно на основе описанных эконометрических упражнений произошло взрывное появление метафор: само название книги «Сибирское проклятье», «искусственные города» Сибири, «замороженный динозавр» Пермь, «неправильная страна неправильной формы», «потемкинские города», загадочная «потемкинская Россия» и т.д.

Метафоры в экономике – отдельная область экономической риторики, и книга «Сибирское проклятье» иллюстрирует их роль именно

как средства убеждения, а не познания. По насыщенности метафорами с ней могут сравниться только тексты П. Щедровицкого с их «каркасом пространства» и «сборкой» одного из регионов, являющихся «полюсами», «точками» и «локомотивами» роста. Любопытно, что Ф. Хилл – действующий политолог, а П. Щедровицкий – политолог в прошлом.

Отвечая на критику сибирских ученых, публиковавшуюся в журнале «ЭКО» в 2004–2005 гг., Ф. Хилл и К. Гэдди настаивали, что однофакторная логика и является сутью современной западной экономической науки: «Нас критиковали за слишком большое упрощение... Да, наша работа фокусируется на единственном факторе... Это наш общий подход. Фокусироваться на одном изолируемом факторе в такой манере является общим подходом для западной эмпирической экономики. Это делается не потому, что исследователь полагает, что конкретный изучаемый фактор является единственной причиной, но для того, чтобы получить надежные результаты, рассматривая фактор, который иначе мог бы оказаться недооцененным. В нашем случае мы обнаружили, что из-за пространственной мисаллокации современный российский ВВП может терять до 2,25–3,0 п.п. потенциального роста ежегодно» [13, р. 3–4].

Таким образом, помимо ссылок на экспертные коллективные оценки обнаружена одна реальная вычислительная процедура, которая посредством цепных ссылок перешла во вводную часть Стратегии Минрегионразвития.

* * *

Другой популярный аргумент, который используется в доказательствах «пространственной мисаллокации» российской экономики, – невыполнение закона Ципфа² на территории России. Основное проявление неэффективности территориальной структуры расселения для специалистов Всемирного банка Дж. Уайта и Т. Хеленяка – это

² Это эмпирическое наблюдение, согласно которому самый большой город страны в 2 раза больше второго по величине города, в 3 раза больше третьего, в 4 раза больше четвертого и т.д.

отсутствие в России крупных городов с населением 1,5–4 млн чел., которые позволили бы улучшить качество построенной на основе «закона Ципфа» линейной регрессии $y = -0,985x + 16,5$, где логарифм численности населения города зависит от логарифма его порядкового по численности номера (ранга) [8, с. 46].

Замечательная статистическая закономерность состоит в том, что применительно ко многим странам размеры городов хорошо аппроксимируются Парето-распределением. Это утверждение настолько широко принято среди экономистов, что приобрело статус закона, закона Ципфа, или правила «ранг – размер». Оно также инспирировало обширные исследования, главным образом в области экономики города и региональной науки.

Но несмотря на давний интерес специалистов к «правилу Ципфа», некоторых успехов удалось достичь только в рамках вероятностного подхода. Так, уже показано, что закон Гибрата, или закон пропорционального роста, описывающий процессы, которые являются не зависящими от размера в том смысле, что ожидаемый темп роста и вариация темпа роста не зависят от положения случайной переменной, может порождать Парето-распределения, а также лог-нормальные и распределения Юла. Кроме того, показано, что закон Гибрата может породить распределения Ципфа для постоянного числа городов, но если появляются новые города, он описывает только верхний хвост распределения. С другой стороны, ряд экономистов утверждают, что закон Ципфа является более общим и включает в себя закон Гибрата.

Однако в существующей литературе до сих пор не представлено убедительное экономическое объяснение этой закономерности. Ведущие ученые в области региональной экономики признали: «Мы не решаемся объяснить эту поразительную закономерность в распределении размера городов. Мы должны признать, что это представляет действительную интеллектуальную проблему для нашего понимания городов...» [14, р. 225], и «неудивительно поэтому, что нам недостает такой модели. Это оказалось реальным препятствием, потому что правило “ранг – размер” является одним из устойчивых статистических отношений, до сих пор известных в экономике» [15, р. 9].

Большинство экономических моделей города являются детерминистскими, что не позволяет учесть наблюдаемую изменчивость размера городов. Кроме того, эти модели предсказывают, что города достигают некоего равновесного размера в результате взаимодействия между позитивными и негативными внешними факторами. Эти модели также предсказывают, что урбанизация развивается через увеличение числа городов. Данное предсказание противоречит как идее пропорционального роста, поскольку старые города должны расти пониженным темпом, так и наблюдению, согласно которому количество городов стабилизируется, по мере того как городская система достигает зрелости.

Однако для специалистов Всемирного банка важно, что в предлагаемую законом Ципфа линию не вписываются Румыния и Албания, что позволяет им усилить теоретическую силу закона Ципфа, вменяя ему функцию индикатора рыночности или нерыночности исторического развития страны. По их мнению, в России возникло «слишком большое число городов с населением 0,5–1,5 миллиона жителей, следовательно, они создавались методом “штамповки”, который предпочитали советские органы планирования, и путем “принудительного переселения”» [8, с. 46].

Неравномерность городского расселения в России, казалось бы, можно понять в контексте истории освоения и развития восточных районов страны. Но вера в универсальность закона Ципфа и в рациональность стремления индивидуума к физическому теплу вновь порождает недоверие к реальности, так что рост городов в советское время представляется труднообъяснимым: «Сегодняшний уровень знаний является недостаточным для того, чтобы точно объяснить причины, послужившие основанием для развития новых городов в отдаленных районах страны в течение советского времени. Наиболее вероятным представляется комплекс стратегических, военных и экономических причин, конечно, делая допущения о том, что органы центрального планирования принимали наиболее рациональные решения. Быстрое развитие городов происходило одновременно с переселением населения в более холодные климатические зоны. В то время как остальная часть мира становилась “теплее” в том смысле, что население боль-

шинства других стран перемещалось в зоны более теплого климата, Россия становилась “холоднее”». [8, с. 42].

Из обнаруженного недостатка крупных городских центров следует прогноз усиления агломерации, хотя авторы меморандума Всемирного банка специально предупреждают, что трудно или почти невозможно предсказать, где будет происходить рост или сокращение размера городов. В своих рекомендациях они отдают предпочтение скорее мерам пространственной политики, чем мерам политики региональной: рекомендуется стимулировать трудовую миграцию, ликвидировать льготные тарифы на электричество и энергию в отдаленных районах, дальше передавать налоговую и бюджетную ответственность с федерального уровня на местный и т.п.

Таким образом, неэффективность территориальной структуры экономики России выявляется на основе тестирования соответствия ранга и размера российских городов образцам – рангам и размерам городов в странах с развитой рыночной экономикой. Различия в размере территории и плотности населения в расчет не принимаются. Полученный результат приобрел популярность и нередко цитируется российскими экономгеографами и демографами.

* * *

Итак, мы нашли истоки двух популярных оценок, используемых в дискуссиях о региональной политике. В основе первой из них, касающейся «потерянных процентов ВВП», лежит последовательное развитие идей «географического», или «природного», детерминизма, дискредитировавшего себя в начале XX в. и возрожденного на его исходе Дж. Саксом. По мнению последнего, в странах, расположенных в гористой местности и внутри континента, вдалеке от морских путей, эффективно только производство продуктов, имеющих высокую удельную стоимость на единицу веса, а для таких стран, как Таджикистан, Киргизия, Узбекистан, Казахстан, Туркмения и Афганистан, этими продуктами оказываются нефть и героин [16, р. 12]. Замкнутый регион, по Дж. Саксу, имеет только три альтернативы, – это дальнейшее обнищание населения, миграция населения из глубины континен-

та к побережью или иностранная помощь, достаточная для того, чтобы связать инфраструктурно данный регион с внешним миром. На этих принципах и строилась программа Всемирного банка по реструктуризации Севера России, которая была призвана содействовать отъезду части жителей Воркуты, Норильска и Сусумана в места, более благоприятные для проживания.

Причины возрождения географического детерминизма связаны с неудачами структурных реформ в странах Латинской Америки и Африки, осуществленных по программам международных финансовых организаций. Первое объяснение, которое было предложено после азиатского финансового кризиса, было «институциональным», в частности указывалось на несамостоятельность центральных банков, незащищенность прав собственности, неразвитость фондовых рынков и т.д. Но после осуществления рекомендованных реформ не произошло ожидаемого экономического возрождения, и тогда появилось на свет географическое объяснение в изложении Дж. Сакса. В посткризисной России подобную роль взял на себя А. Паршев, а его сменили американские специалисты по Сибири. Несомненно, географические объяснения судьбы региона всегда будут востребованы, потому что представляются интуитивно понятными большей части аудитории.

Что касается второй оценки, в которой говорится о «недостающих городах», то следует ли вводить еще один вид детерминизма – «линейно-регрессионный детерминизм»? Будучи вынесенной на публику, прямая линия уже выглядит как требование, а города, выбивающиеся из ранжира Ципфа, вызывают зрительный дискомфорт. В массе своей публика испытывает традиционное доверие к эмпирической науке, а в данном случае эмпирические данные относятся к наиболее успешным странам, что воспринимается уже как целевой ориентир. Расчеты, проведенные в рамках строго очерченных теоретических предпосылок и при полном осознании степени неизбежных упрощений, позднее могут быть использованы для обоснования и продвижения реальных мер экономической политики в интересах различных лоббирующих группировок, которых меньше всего волнует возможное смешение статистической и экономической значимости.

* * *

Переходя от научных изысканий к принятию дорогостоящих решений, таких как утверждение региональных программ развития, мы вступаем в область, регулируемую скорее эффективными политическими технологиями, чем безупречными экономическими расчетами. Умами публики, равно как и политиков, правят образы. И здесь, видимо, считается допустимым использовать заведомо неприемлемые аргументы в целях убеждения. Пресловутые 2% ВВП и «перенаселенность Сибири» ныне можно встретить в десятках текстов. Подобно народной частушке, утратив авторство, они становятся элементами массового сознания.

Так и в заглавную, проблемную часть Стратегии развития регионов РФ наряду с аргументами, убедительно иллюстрирующими структурные проблемы российской региональной экономики, проникает многократно подмененная цифра (и в смысле авторства, и в смысле оцениваемых факторов). Неужели это необходимо во имя благого дела решения проблем региональной экономики? Если одна ссылка на сомнительный расчет имеет больший эффект, чем тома предплановых исследований, выполнявшихся учеными на закате социализма для СОПСа и КЕПСа, то времена явно изменились. В современном мире даже политические технологии унифицированы, так что мы находим поразительное сходство в методах работы российских и западных аналитических центров.

Они дают схожие рекомендации в области пространственной политики, формулируемые почти в одних и тех же терминах, – это «экономическое сжатие» в целях достижения максимума эффективности. Различие состоит в географическом направлении и степени «сжатия». Если американские авторы считают сибирские города, стоящие на Транссибе, «замороженными динозаврами» и готовы эвакуировать население, то авторы российские собираются создавать на востоке городские агломерации, стягивая в них ресурсы с периферии. Рекомендуемые меры подразумевают усиление регулирующей роли государства, хотя основаны они на расчете, исходящем из посылок о полной свободе рыночного поведения в условиях совершенной конкуренции. Используемая аргументация – яркая риторика, полная метафор. Об-

щий полезный эффект – активизация интереса к проблемам региональной и промышленной политики. Общая база – нынешнее состояние науки о пространственной экономике, науки весьма молодой. Поэтому общей является и бедность расчетов: с одной стороны – неопубликованная диссертация, с другой стороны – прикидки на семинарах.

Различаются условия, в которых работают данные центры. Если Институт Брукинга существует среди ряда себе подобных и должен производить заметные продукты, рассчитывая главным образом на цитируемость своих авторов, то два наших центра закладывают в региональные проекты и свое будущее. В плане действий по реализации стратегий мы находим как перспективы усложнения и разрастания управленческого аппарата в виде Федерального агентства регионального развития и территориального планирования в сочетании с сетью его территориальных подразделений, так и оценку эффекта от его деятельности (разумеется, экспертную), которая должна «повысить эффективность государственных инвестиций в инфраструктурные проекты минимум на 5%» [2, с. 63–65].

Наши «мозговые центры», северо-западный и поволжский, не смогли создать бестселлера, равного по популярности «Сибирскому проклятью», но навязчивое продвижение идеи «поляризованного развития регионов» имеет успех в правительстве, лежит в основе Концепции Минрегионразвития, так как эта идея уже оформлена в виде доступных образов «регионов-локомотивов», «точек роста» и проч. в целях сохранения главного образа – «удвоения ВВП». «Удвоение» – пример завершенной метафоры, которая окончательно утратила связь с математикой, поскольку уже никто не задается вопросом, относительно какой базы должно произойти удвоение. Это уже скорее «вечное стремление», к чему чиновники всегда склонны. Дальнейшее развитие метафоры в Концепции Минрегионразвития принимает форму уже «удвоения ВРП» (что далеко не то же самое) в сочетании с разработкой и внедрением «практических механизмов удвоения ВРП применительно к различным типам регионов и повышения его инновационной составляющей». Таким образом, абсолютный императив удвоения рассыпается на десятки и сотни локальных удвоений, сумма кото-

рых усилиями исполнителей на местах обеспечивает желанную цель. Вновь срабатывает обаяние простой арифметики, а цель, претерпев ряд метаморфоз, оказывается средством достижения самое себя.

Между тем разрабатываемая Министерством регионального развития Стратегия развития регионов РФ выполняет крайне важную задачу. Она призвана сформулировать, наконец, основные положения региональной политики, которая у нас отсутствовала в течение десятилетий. Канули в прошлое времена, когда Стратегию развития Сибири не принимали в Министерстве экономического развития и торговли из-за того, что она начиналась со стандартного тезиса о том, что успешное развитие Сибири является залогом стабильного развития всей России. Недавно утверждена Федеральная целевая программа «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Забайкалья до 2013 года». Сегодня большинство субъектов Федерации уже имеют свою «стратегию», или «доктрину устойчивого развития» (так она называется в Красноярске), в которой предлагают имеющиеся и планируемые «кластеры» и «агломерации» и заывают на свою территорию федеральные целевые программы, споря с соседними областями за право зваться «локомотивом» и поучаствовать таким образом в магии создания «пространственного каркаса» страны путем «сборки» оно из регионов.

Иное поведение вряд ли возможно в условиях, когда из года в год сокращается налоговая база субъектов Федерации и возрастает доля средств, подлежащих перераспределению через федеральный центр. Искорженная среда порождает искорженный отклик. Каждая региональная программа развития вынуждена конкурировать с десятками себе подобных, и коль скоро Концепция Минрегионразвития требует, чтобы в регионе-локомотиве или агломерации-локомотиве была «сформирована стратегическая инициатива, имеющая значение для всей страны», число таких инициатив неизбежно будет равно числу регионов. Качество риторики региональных программ, поставленных на массовый поток упомянутыми аналитическими центрами, обратно пропорционально частоте употребляемых в тексте магических терминов.

Все эти усилия не понадобились бы, будь у регионов возможность самостоятельно определять свое развитие. Но несмотря на то что тер-

мин «бюджет» используется в Концепции Минрегионразвития 60 раз, она не предусматривает перераспределения налоговых доходов в пользу региональных и местных бюджетов, но предлагает взамен единственную метафору – «саморазвитие». Гарантированное же развитие предполагается обеспечивать концентрацией федеральных ресурсов лишь в «правильно выбранных “полюсах” (“локомотивах”) роста».

Возвращаясь к меморандуму Всемирного банка, следует отдать должное корректности одного из заключительных предостережений: «С учетом уровня нашего знания экономическая политика, ведущая к попыткам предсказать будущих географических “победителей и проигравших” в процессе долгосрочного территориального перераспределения населения, несет в себе риск дорогостоящих ошибок и может быть тормозом экономического развития» [17, р. 36].

Концепция Минрегионразвития далека от подобных сомнений. «Правильный выбор полюсов роста», по мнению ее авторов, возможен и гарантирован «достаточными компетенциями» чиновников, которые, руководствуясь предлагаемым набором из семи качественных критериев, будут принимать решение об отнесении региона к разряду «локомотивов» и последующем его включении в Генеральную схему пространственного развития РФ. Определено даже количество, а именно, шесть-девять регионов-лидеров, которые появятся в результате выполнения принятой Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации и будут распространять инерцию своего роста на окружающие регионы, по-видимому, независимо от структуры межотраслевых межрегиональных связей.

Снижается ли от этого значение факта разработки Концепции? Никоим образом. Ученые получают подтверждение существования у государства региональной политики и возможность развивать региональную науку, критикуя предлагаемую Концепцию и сравнивая ее с зарубежными примерами. Главы администраций всех уровней активно разрабатывают локальные стратегии в надежде заполучить на свою территорию хотя бы толику финансовых потоков из центра. Такая работа повышает культуру оформления и продвижения хозяйственных решений, поскольку предполагает использование в тексте

всех частотных метафор («инновации», «агломерации», «кластеры», «устойчивое развитие») ради достижения эффекта убедительности.

При этом старые классические метафоры выходят из употребления, «невидимая рука» Адама Смита заменяется «достаточными компетенциями». Перспективы «агломеративного строительства» по своей грандиозности уступают только «великому сталинскому плану преобразования природы». Но и новые метафоры могут служить чаяниям, о которых главы регионов уже давно замолчали, – чаяниям о децентрализации принятия решений. И в тексты, наводненные «кластерами» и «агломерациями», помимо понятных надежд припасть к федеральным финансовым потокам и образовать новые управленческие надрегиональные структуры, пробираются так называемые «инвестиционные фонды агломераций», образуемые за счет части доходов региона, не перечисляемой в центр.

Трудно вообразить себе одновременно и полюс, и локомотив, а потом еще и осознать, что «сеть полюсов» означает то же, что и «каркас из локомотивов». Еще сложнее произнести обрусевшее слово «компетенция» во множественном числе. Но никакие лексические шероховатости или нестыковки расчетов не имеют значения, если на всех уровнях принятия решений созрело стойкое внутреннее убеждение, что любой ценой добиться движения финансовых средств в направлении от Москвы – это уже благо, а возникновение новых направляющих структур и употребление обязательного лексикона – неизбежный налог при современном состоянии федерализма.

И чем меньше прав будет у сибиряков и дальневосточников, тем чаще они будут узнавать из московских новостей о зловещих западных планах отъема Сибири.

Литература

1. Ellis J. Let's buy Siberia; don't laugh, it's a great idea // Boston Globe. – 1998. – Oct. 8 / <http://www.cdi.org/russia/johnson/2421.html##5>.

2. Концепция Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации / Минрегионразвития России / <http://www.minregion.ru/OpenFile.ashx/Download?AttachID=184>.

3. **Княгинин В., Перелыгин Ю.** Пространственное развитие страны в долгосрочной перспективе // Российское экспертное обозрение. – 2007. – № 1–2.
4. **Княгинин В., Щедровицкий П.** От роста к развитию // Эксперт. – 2005. – № 5 (452).
5. **Щедровицкий П.** Государственная политика регионального развития в РФ: проблемы и перспективы // Формула развития: Сборник статей: 1987–2005. – М.: Архитектура-С, 2005 / http://www.archipelag.ru/authors/shedrovicky_petr/?library=1859.
6. **Щедровицкий П.** Сбежать из мертвой зоны // Аргументы и факты. – 2005. – № 6 (1267).
7. **Глазычев В., Щедровицкий П.** Россия: пространственное развитие / Центр стратегических исследований Приволжского федерального округа / <http://stra.teg.ru/library/32/1>.
8. **От экономики** переходного периода к экономике развития: Меморандум об экономическом положении Российской Федерации / Всемирный банк. Апрель, 2004 г. / http://ns.worldbank.org.ru/files/cem/CEM_final_rus.pdf.
9. **Hill F., Gaddy C.** The Siberian curse: How communist planners left Russia out in the cold. – Washington: Brookings Institution Press, 2003.
10. **Хилл Ф., Гэдди К.** Сибирское проклятье: Обрекает ли российская география судьбу рыночных реформ на неудачу? // ЭКО. – 2004. – № 6.
11. **Mikhailova T.** Essays on Russian economic geography: Measuring spatial inefficiency: Ph. D. thesis in economics. – Penn State University, 2004 / <http://www.eta.libraries.psu.edu/theses/approved/WorldWideIndex/ETD-619/index.html>.
12. **Мельникова Л.В.** А была ли дискуссия? // ЭКО. – 2005. – № 12.
13. **Gaddy C., Hill F.** The «Siberian curse»: methods and motives // Problems of Economic Transition. – 2006. – V. 48, No. 11.
14. **Fujita M., Krugman P., Venables A.J.** The spatial economics: cities, regions, and international trade. – Cambridge, MA: The MIT Press, 1999.
15. **Fujita M., Thisse J.M.** The formation of economic agglomerations: Old problems and new perspectives // Economics of Cities: Theoretical Perspectives. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2000.
16. **Sachs J.D.** Economic possibilities for our time: 16th annual Panglasky memorial lecture // Van Zorge Report. – 2005. – Sept. 8.
17. **From transition** to development: a country economic memorandum for the Russian Federation, 2004 / World Bank / http://ns.worldbank.org.ru/files/cem/CEM_final_eng.pdf.